

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-83-98

EDN: YETFVQ

Научная статья / Research article

Природа ошибки в русской речи будущего билингвального учителя русского языка: психолингвистический и лингвометодический подходы к интерпретации экспериментальных данных

Н.В. Медведева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

✉ basha_n@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обоснована необходимостью анализа ошибок в русской речи естественного инационально-русского билингва коми-пермяка на основе специфики процессов его речевой деятельности. Феномен «ошибка» трактуется на основе психолингвистического подхода как следствие сбоя в механизмах речевой деятельности билингва и лингвометодического подхода как факт нарушения нормативности для определения инструментария совершенствования русской речи билингвальной личности. Термин «ошибка» в речи обусловлен классическим понятием нарушения и считается в достаточной мере разработанным и описанным в разных аспектах. Материалами исследования послужили экспериментальные данные: ошибки в письменной и устной русской речи билингвальных студентов коми-пермяков на занятиях лингвометодического цикла. Методами исследования являются метод непосредственного наблюдения за русской речью билингвального студента коми-пермяка, анализ его письменных работ и устных высказываний, интерпретация ошибок в психолингвистическом и лингвометодическом аспектах. Результаты исследования подтверждают гипотезу: природа ошибок в русской устной и письменной речи инационально-русского билингва психолингвистическая, проявляющаяся на всех уровнях билингвальной личности в межязыковых взаимодействиях систем родного и русского языков, определяющих работу механизмов речевой деятельности на русском языке. Совершенствование русской речи инационально-русского билингва требует разработки эффективного лингвометодического инструментария для обучения.

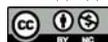
Ключевые слова: инационально-русский билингвизм, билингвальная личность, русская речь, ошибка, интерпретация, психолингвистический и лингвометодический подходы

История статьи: поступила в редакцию 27.11.2023; принята к печати 12.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Медведева Н.В. Природа ошибки в русской речи будущего билингвального учителя русского языка: психолингвистический и лингвометодический подходы к интерпретации экспериментальных данных // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 83–98. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-83-98>

© Медведева Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Nature of Errors in Russian Speech of a Future Bilingual Teacher of the Russian Language: Psycholinguistic, Linguo-Methodological Approaches to the Interpretation of Experimental Data

Natalya V. Medvedeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24 Sibirskaya St, Perm City, 614990, Russian Federation

✉ basha_n@mail.ru

Abstract. Thematic justification is explained by the necessity to analyze errors in the Russian speech of a bilingual personality of natural foreign — Russian bilingual Komi — Permyak based on specific character of the processes of his speech. Phenomenon of “error” is interpreted on the basis of psycholinguistic approach as a result of failure in mechanism of speech of a bilingual and linguo-methodological approaches as a fact of normalization disorder and the exploration of tooling for improving the Russian speech of a bilingual personality. The author relies on studies in which the linguistic and didactic vectors of error research tend to interpret the processes of speech-cognitive activity and are explained psycholinguistically and linguistically. The choice of a psycholinguistic approach to the study of errors makes it possible to identify their nature, to interpret them not only as facts of violation of speech normativity, but also as manifestations of processes of violations/failures/interference in the speech-mental activity of the speaker and writer. Purpose of the study is to analyze errors in the Russian speech of a bilingual speaker — a future teacher of the Russian language (Komi-Permyak) in the process of perception and generation of the Russian speech. Object of the study is the speech activity of a bilingual speaker in Russian, the subject is errors in his speech in the conditions of preparation for the profession of a Russian language teacher. Materials of the study were experimental data: errors in the written and oral Russian speech of bilingual Komi — Permyak students during linguo-methodological subjects and in their written works. The study methods are direct viewing of the Russian speech of a bilingual Komi — Permyak student, analysis of his written works and oral statements, error interpretation through psycholinguistic and linguo-methodological approaches. The study results confirm the hypothesis: the nature of errors in Russian oral and written speech of a foreign — Russian bilingual is psycholinguistic, appearing on the all levels of a bilingual personality in interlingual interactions of the systems of the native and Russian languages, which determines the functioning of the speech mechanisms in Russian. In order to improve the Russian speech of a foreign — Russian bilingual it is necessary to develop an effective linguo-methodological tooling for teaching.

Keywords: foreign-Russian bilingualism, bilingual personality, Russian speech, error, interpretation, psycholinguistic and linguo-methodological approaches

Article history: received 27.11.2023; accepted 12.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Medvedeva, N.V. 2024. “The nature of errors in Russian speech of a future bilingual teacher of the Russian language: Psycholinguistic, linguo-methodological approaches to the interpretation of experimental data.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 83–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-83-98>

Введение

Термин «ошибка» в речи обусловлен классическим понятием нарушения и считается в достаточной мере разработанным и описанным в разных аспектах. Существует достаточное количество работ, в которых лингвистические и дидактические векторы исследований ошибок стремятся к интерпретации процессов речемыслительной деятельности и обосновываются психолингвистически и лингвометодически в трудах А.А. Залевской [1; 2] В.И. Капинос [3], М.Р. Львова [4], И.Г. Овчинниковой, А.В. Павловой [5], М.В. Панова [6], И.В. Приваловой [7], С.Н. Цейтлин [8; 9] и др. Психолингвистический подход к исследованию ошибок позволяет выявить их природу, трактовать их не только как факты нарушения речевой нормативности, но и как проявления процессов нарушений/сбоев/помех в речемыслительной деятельности говорящего и пишущего. Другими словами, опираясь на следствие, то есть сделанную в речи ошибку, возможна и необходима интерпретация причин, отвечающих за ее возникновение, и реконструкция процессов, предопределяющих ее появление. Такое рассмотрение ошибок не ново, в науке оно применяется достаточно широко (ошибки в детской речи, в речи людей с ментальными нарушениями, ошибки при обучении иностранным языкам, неродному/второму языку, переводческие ошибки, ошибки в речи в условиях би/поли/транслингвизма и др.).

Целью исследования является определение природы ошибок в русской речи инонационально-русского билингва, *объектом* — речевая деятельность на русском языке билингвального носителя, *предметом* — ошибки в его речи в условиях подготовки к профессии учителя русского языка.

Материалом исследования послужили проанализированные устные ответы и письменные работы билингвальных студентов коми-пермяков: тексты диктантов, подробных/сжатых изложений, сочинений, созданных в рамках учебных дисциплин «Развитие русской устной и письменной речи», «Методика обучения русскому языку», тексты письменных ответов на контрольные вопросы по методике русского языка, аудиозаписи учебных ответов, тексты курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров и магистрантов коми-пермяков за 2016–2022 годы.

Анализ ошибок в русской речи билингвальных студентов коми-пермяков осуществлялся на основе заявленных подходов: психолингвистического и лингвометодического. **Методами исследования** стали психолингвистические, педагогические, лингвистические методы: метод фиксации и анализа ошибок/недочетов/сбоев, который применялся в совокупности с методом контрастного анализа русской речи билингвального субъекта; метод включенного наблюдения; метод лингвистической и методической интерпретации материала.

Результаты. Ошибка в речи будущего учителя русского языка — инонационально-русского естественного билингва коми-пермяка — в условиях коми-пермячко-русской образовательной среды рассматривается нами как сопряжение факта нарушения речевой нормативности и как инструмент выявления «процессов и механизмов функционирования языка... в том числе продуцирования и понимания речи, организации языковых явлений и готовности их применения в речемыслительной деятельности» [1. С. 6]. Работа над коррекцией ошибок в речи билингвального носителя предопределяет сопряжение анализа механизмов речевой деятельности, их лингвистических следствий и лингвометодических способов совершенствования русской речи.

Организация эффективной работы со стороны лингвометодики по коррекции нарушений в русской речи билингвального носителя — более трудоемкий и объемный процесс, направленный от следствия (самой ошибки) → к ее интерпретации со стороны лингвистики русского языка → к механизмам речевой деятельности по переработке воспринимаемого или порождаемого высказывания/текста на русском языке → к отбору эффективного лингвометодического инструментария для предупреждения и коррекции ошибок в русской речи билингвальной личности. Интеграция психолингвистического и лингвометодического подходов для выявления и коррекции ошибок в русской речи будущего билингвального учителя русского языка дает основание для дальнейшего лингвистического и методического совершенствования.

Обсуждение

Данное исследование требует уточненных трактовок основных понятий: «билингвальная личность», «ошибка» в речи билингвального носителя, «психолингвистический и лингвометодический подходы» к интерпретации ошибок.

Обосновывая понятие языковой личности в лингводидактике, Ю.Н. Караулов отмечает: «Лингводидактическое представление языковой личности отличается двумя особенностями. <...> языковая личность предстает в этом случае как человек говорящий, а сама способность пользоваться языком — как родовое свойство человека» [10. С. 29]. Развивая концепцию, ученый пишет о специфике языковой личности, утверждая, что она отражает принадлежность к определенному этносу, отличается включенностью в его культуру и характеризуется типом естественного билингвизма: доминантного или сбалансированного, что прямо соотносится с нашими представлениями о том, что в условиях современного социума билингвальная личность требует не «обезличенного», а направленного подхода, прежде всего, со сто-

роны этнокультурного/этноязыкового компонентов в ее структуре. Ошибки, проявляющиеся в русской речи билингвального носителя, определенно связаны со структурой его личности и спецификой его речевой деятельности.

Понятие «билингвальная личность» сформулировано нами с опорой на понятие «языковая личность» Ю.Н. Караулова: «Языковая личность — это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней — *семантическом, когнитивном и мотивационном* [10. С. 38]. Базовая структура языковой личности, по Ю.Н. Караулову, определяется характеристиками *семантико-строевого уровня; тезауруса* (на основе произведенных ею текстов); выявлением *установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения собственных и восприятия чужих текстов* [10. С. 42–43].

Трехуровневая структура языковой личности применительно к билингвальному — инонационально-русскому субъекту прирастает на каждом уровне языковыми единицами, осложняется их отношениями и проявляется стереотипами наложений двух языковых систем родного / русского.

Ю.Н. Караулов определяет вариативные характеристики, которые необходимо учесть «для «достраивания» языковой личности, в том числе билингвальной. Ими являются на *вербально-семантическом уровне* системно-структурные данные о состоянии родного и второго языков в соответствующий период; на *когнитивном (тезаурусном) уровне* социальные и социолингвистические характеристики этнической и языковой общности, к которой относится личность, то есть специфика в ее национальной картине мира, проявленная в языке; на *мотивационном (прагматическом) уровне* сведения, обусловленные принадлежностью билингвальной личности к более узкой референтной группе, определяющей те ценностно-установочные критерии, которые и создают колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»).

В науке существуют синонимичные термины к термину «ошибка», что отражается в разных классификациях и в употреблении: в психолингвистике в классификации С.Н. Цейтлин [8; 9], А.А. Залевской [2] и др.; в лингвистике — М.Н. Кожинной [11] и др., в лингвометодике — М.Р. Львова [4], В.И. Капинос [3] и др.

С понятием «ошибка» коррелируют понятия «нарушение», «недочет», свойственные для лингвистики и лингвометодики. Ошибки/недочеты/нарушения указывают на факты искажения нормативности, проявляющиеся в речи: грамматическая, речевая, стилистическая ошибка/нарушение/недочет

и др. В методике при обучении языкам применяются средства коррекции и предупреждения ошибок/нарушений/недочетов.

Понятие «ошибка» в психолингвистике рассматривается не в качестве отступления от нормы, а как «сигнал разошедшегося шва в речевом механизме индивида», по образному выражению А.А. Леонтьева [12. С. 78], или «как сбой в программе речевого высказывания, не откорректированный на стадии контроля», по словам И.Г. Овчинниковой [5. С. 105]. А.А. Залевская определяет, что в трактовке понятия «ошибка» в речи произошел «переход от рассмотрения ошибки в чисто прикладных целях (прежде всего при обучении языку) к ее теоретическому осмыслению и объяснению не только механизмов и причин самой ошибки, но и работы речевого механизма в целом» [1. С. 6].

Определяя все нарушения в русской речи инонационально-русских билингов общим термином «ошибка», мы имеем в виду совокупность всех видов ошибочности (за исключением ситуативных оговорок и их поправок).

Анализ ошибок в речи билингвальной личности происходит на основе многих факторов. С.Н. Цейтлин пишет об ошибках, «...связанных с нарушениями системы (говорящий или пишущий недостаточно знакомы с языковыми правилами)... связанных с нарушениями нормы (говорящий или пишущий владеют языковыми правилами, но не знакомы с ограничениями, накладываемыми на их действие нормой), <...> связанных с нарушениями узуса (говорящий или пишущий не знакомы с условиями реализации тех или иных форм речи)» [9. С. 103]. Следует выделить основания, опора на которые будет несомненно значимой для интерпретации ошибок и совершенствования русской речи будущего учителя русского языка — инонационально-русского билинга: выбор речевого действия при обучении, задействование речевого контроля в процессе обучения грамматическим структурам (Т.Д. Кузнецова [13]), развитие чувства (неродного) языка (М.М. Гохлернер, Г.В. Ейгер [14]), учет «промежуточного языка» (Ю.Н. Караулов [10], М. Дебрэнн [15], А.А. Залевская [1] и др.).

Анализ русской речи естественного инонационально-русского билинга предполагает не только фиксацию ошибок, но и, по определению А.А. Залевской, рассмотрение их в качестве «естественного компонента промежуточного языка», что обеспечивает «убедительные косвенные данные» в понимании функционирования когнитивных систем, посредством которых перерабатывается воспринимаемый языковой материал [2. С. 14].

Примеры ошибок (наиболее частотных) помещены в табл. 1–4: в первой строке дана ошибка и один из верных вариантов употребления, во второй — психолингвистическая, в третьей — лингвометодическая ее интерпретации.

Ошибки в русской речи билингвального студента коми-пермяка, возникающие в процессе восприятия/передачи информации и порождения высказывания/текста

Таблица 1

Ошибки в русской речи, связанные с нарушением орфографических и фонетико-графических норм

1. Фрагмент текста диктанта без ошибки	<i>Багровое пламя охватило все вокруг; Ничего не было видно за густыми ветвями</i>
Результат письменной передачи фрагмента	<i>Багровое пламя охватило все вокруг; Ничего не было видно за густыми ветвями</i>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки: на основе закрепленного в билингвальном сознании стереотипа правописания имени существительного в родном коми-пермяцком языке: между основой существительного и суффикса <i>-яс</i> в определённых случаях при письме может употребляться буква «ь»: [16. С. 49]. Оформление орфографического облика слова русского слова в соответствии со стереотипами в родном (коми-пермяцком) языке</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибки: нарушение орфографической нормы употребления правописания слова; употребление разделительного мягкого знака в несвойственной для него позиции. Неверная логика мыслительных операций для определения правописания русского слова: 1) определение созвучного/схожего облика русского слова с моделями слов в родном языке; 2) применение к его написанию стереотипов-представлений о правописании слова в родном языке; 3) отсутствие анализа структуры русского слова, распознавания его морфемной модели; 4) применение неверного алгоритма рассуждения для выяснения правописания русского слова. Следствие — неверное орфографическое оформление русского слова</p>	
2. Фрагмент текста диктанта без ошибки	<i>В воздухе, насыщенном влагой, ...</i>
Результат письменной передачи фрагмента	<i>В воздухе, насысенном влагой, ...</i>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки: ошибка обусловлена артикуляторными автоматизмами, проявляющимися в реализации звуков и их сочетаний в коми-пермяцкой речи. При передаче звучащей русской речи и ее записи на письме работают стереотипы — представления родного языка, касающиеся образования звуков и их реализации в определенной позиции, облик русского слова, передаваемый на письме, формируется на основе неверного выбора букв русского алфавита</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибки: нарушение орфографической нормы правописания на основе неверного отбора и употребления буквы/букв русского алфавита, не соответствующих передаче звукового облика русского слова: 1) запись на основе образа-представления звучащего слова в родном языке; 2) отсутствие/недостаточность проверки соответствия звукового/правописного облика русского слова на этапе контроля; 3) несоответствие принципов правописания в русском и родном языках; 4) недостаточная сформированность умений русской орфографии. Следствие — фонетико-графическая ошибка при записи русского слова. Коррекция — введение в практику обучения работы с написаниями, усваиваемыми через звуковой и слоговой анализ; через фонемно-морфемный анализ; через зрительно-двигательное запоминание графического образа русских слов</p>	

**Errors in Russian speech associated with deviance
of orthographic and phonetic-graphic norms**

1. The fragment of the dictation text without an error	<i>Crimson flames (пламя) engulfed everything around. Nothing could be seen behind the thick branches (ветвями)</i>
The result of the written interpretation of the fragment	<i>Crimson flames (пламья) engulfed everything around. Nothing could be seen behind the thick branches (ветвьями)</i>
<p>Psycholinguistic interpretation of the error: on the basis of the stereotype of the noun spelling in the native Komi-Permyak language, fixed in the bilingual consciousness: between the noun stem and the suffix <i>-yas (-яс)</i>, in certain cases the letter “ь” can be used in writing [16. P. 49]. Native Orthographic appearance of the Russian word is in accordance with stereotypes of the native (Komi-Permyak language)</p>	
<p>Linguo-methodical interpretation of the error: violation of the orthographic norm of the use of the spelling of the word; the use of the separating soft sign (the letter “ь”) in its uncharacteristic position. Incorrect logic of mental operations to identify the spelling of a Russian word: 1) Association of the similar appearance of the Russian word with word models in the native language; 2) Application of stereotyped ideas about the spelling of the word in the native language to its writing; 3) Lack of analyses of the structure of a Russian word, identification of its morphemic model; 4) The use of incorrect reasoning algorithm to find out the spelling of a Russian word. The consequence is incorrect spelling of a Russian word</p>	
2. The fragment of the dictation text without an error	<i>In the saturated with moisture (насыщенном) air...</i>
The result of the written interpretation of the fragment	<i>In the saturated with moisture (насысенном) air...</i>
<p>Psycholinguistic interpretation of the error: the error is caused by the articulatory automatisms in releasing the sounds and combinations of sounds in the speech of Permian Komi. In the transmission of the sounding Russian speech and its writing form stereotyping representations of the native language work, concerning the formation of the sounds and their implementation in a certain position, the appearance of the written Russian word is based on the wrong choice of the letters of the Russian alphabet</p>	
<p>Linguo-methodical interpretation of the error: violation of the orthographic norm of spelling on the basis of incorrect selection and use of letters of the Russian alphabet do not correspond to the transmission of the sound image of the Russian word. 1) Recording on the basis of the image-representation of the sounding word in the native language; 2) Absence/insufficiency of verification of correspondence of the sound/spelling appearance of the Russian word at the stage of control; 3) Discrepancy between the principles of spelling in Russian and native language; 4) Insufficient skills of spelling in Russian. The consequence is a phonetic-graphic error when writing a Russian word. The correction is the introduction into practice work with spelling through sound and syllable analysis; through phonemic and morphemic analysis; through visual-motor memorizing of the graphic image of the Russian words</p>	

Таблица 2

Ошибки в русской речи, связанные с употреблением слова без учета его лексического значения или значений входящих в него морфем

<p>Фрагмент исходного текста для изложения</p>	<p><i>Прежний хозяин Дайван схватил ее за шерстяные щеки, поднял морду, заглянул в глаза, сказал что-то по-эвенски, затем с силой отбросил собаку от себя, повернулся и пошел прочь.</i></p>
<p>Результат передачи фрагмента в изложении</p>	<p><i>Старый хозяин Дайван потерябил ее за шерстяные щеки, что-то сказал по-эвенски и отошел прочь.</i></p>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки: при взаимодействии контактирующих языков (коми-пермяцкого и русского) «поиск нужной языковой единицы осуществляется путем формирования промежуточного языка, а именно в процессах речемыслительной деятельности при идентификации слов и при понимании текста со слуха и при чтении» [1. С. 12].</p> <p>Билингвальная личность оперирует единицами ядра вербально-семантического поля, выбор единиц, которые находятся на периферии поля (приставки, предлоги, окончания и др.), отбор и употребление языковых единиц, грамматические категории которых имеют другую природу (вид, залог и др.) или которых нет в родном языке (род, согласование, управление и др.) выходят за границы ядра поля и не учитываются или используются формально/механистически без учета выражаемых ими значений.</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибок:</p> <p>Употребление слова <i>старый</i> не раскрывает в данном контексте необходимого значения (старый — прежний, бывший), а выражает прямое значение (старый — в возрасте, немолодой). Следовательно, происходит искажение смысла.</p> <p>Аналогичные процессы свойственны употреблению глагола <i>потеребил ее за шерстяные щеки</i> вместо <i>схватил ее за шерстяные щеки</i>. Теряются оттенки значения ввиду неудачно выбранного глагола, который в точности не передает необходимого значения.</p> <p>Нарушение в образовании слова <i>отошел</i> при помощи приставки и недопонимание оттенков ее значения является характерной ошибкой, связанной с интерференцией коми-пермяцкого и русского языков. Приставок в коми-пермяцком языке немного. «К ним относятся лишь <i>мед-</i> со значением „самый, наи-“ и <i>не-</i> (заимствованная из русского языка), которые употребляются с прилагательными, местоимениями, наречиями...» [17. С. 597].</p> <p>Неверный выбор слова «отошел» вместо «ушел» или «пошел» связан с недоучетом значения, сообщаемого приставкой (ото-йти прочь — в значении отступить, но остаться здесь же). Для употребления был нужен глагол с другой приставкой: «у-шел» или «по-шел» со значением «удалиться, покинув какое-нибудь место, отправиться куда-нибудь» Наречие «прочь» со значением «дальше от какого-то места, долой» [18. С. 544]. Вслед за неверным выбором приставки для образования глагола происходит нарушение лексической сочетаемости глагола и наречия: отошел прочь, а также искажение смысла всего предложения, нарушение коммуникативной точности</p>	

Table 2

**Errors in Russian speech associated with the use of a word
without taking into account its lexical meaning or the meanings of its morphemes**

<p><i>The fragment of the source text for narration</i></p>	<p><i>The previous owner, Daivan, grabbed her by the woolly cheeks, lifted her muzzle, looked into her eyes, said something in Even, then forcefully threw the dog away from him, turned and went away.</i></p>
<p><i>The result of the transfer of the fragment in the narration</i></p>	<p><i>Old master Daivan tugged at her woolly cheeks, said something in Even, and stepped aside.</i></p>
<p>Psycholinguistic interpretation of the error: in the interaction of contacting languages (Komi-Permyk and Russian) “the search for the necessary linguistic unit is carried out through the formation of an intermediate language, namely in the processes of speech-thinking activity in the identification of words and in the understanding of the text by ear and in reading” [1, p.12].</p> <p>A bilingual person operates with units of the core of the verbal-semantic field, selection of units which are on the periphery of the field (prefixes, prepositions, endings etc); the selection and use of linguistic units, the grammatical categories of which are of a different nature (type, voice, etc.) or which are not in the native language (gender, agreement, control, etc.) go beyond the boundaries of the core of the field and are not taken into account or are used formally without regard to the meaning they express.</p>	
<p>Linguo-methodical interpretation of the error:</p> <p>The use of the word “old” does not reveal the necessary meaning in this context (old — former, previous), but expresses a direct meaning (old — not young). Consequently, there is a distortion of meaning.</p> <p>Similar processes are characteristic of the use of the verb tugged her woolen cheeks, instead of grabbing her woolly cheeks. Shades of meaning are lost due to a poorly chosen verb that does not accurately convey the necessary meaning.</p> <p>The violation in the formation of the word with the help of the prefix and the misunderstanding of the shades of its meaning is a characteristic mistake associated with the interference of the Komi-Permian Russian languages. There are few prefixes in the Komi-Permyak language. “It has only med- (мед-) with the meaning of “most, (самый) най-(най-)” and не- (не-) (borrowed from the Russian language), which are used with adjectives, pronouns, adverbs...” [17. P. 597].</p> <p>The wrong choice of the word “stepped aside” instead of “went” is due to the underestimation of the meaning conveyed by the prefix (ото-to move away — in the meaning of ‘to retreat, but to remain here’). In this case, a verb with a different prefix was needed: “y-(u-shel)” or “по-(po-shel)” with the meaning “to leave, leaving some place, to go somewhere” The adverb “away” with the meaning “further from some place, down” [18. P. 544]. Following the wrong choice of the prefix to form the verb, there is a violation of the lexical combination of the verb and the adverb: went away as well as distortion of the meaning of the entire sentence, a violation of communicative accuracy.</p>	

Таблица 3

Ошибки в русской речи, связанные с нарушением морфемного состава или способа образования слова

Фрагмент текста для изложения без ошибки	<i>Поселили ее на дворе. Много дней собака ничего не ела, дичилась, тосковала по хозяину.</i>
Результат письменной передачи фрагмента	<i>У Нурки было долгое тоскование по хозяину.</i>
Психолингвистическая интерпретация ошибки. 1. Использование стереотипа-представления о модели образования отглагольного существительного в родном языке. 2. В коми-пермяцком языке есть глагол <i>тоскуйтны</i> — тосковать, затосковать, скучать, грустить [17. С. 481] и образованное от него существительное <i>тоскуйтӧм</i> — тоска, грусть [17. С. 481]. Отглагольное существительное со значением отвлеченного действия или состояния образовано в коми-пермяцком языке при помощи продуктивного суффикса <i>-ӧм</i> . Ошибочное образование существительного «тоскование» восходит к аналогии: образование суффиксальным способом от производной основы глагола	
Лингвометодическая интерпретация ошибки: 1) в русском языке от глагола тосковать существительное образуется по другой модели (с усечением глагольного суффикса в производной основе и нулевой аффиксацией на ступени образования отглагольного существительного); 2) перенос словообразовательной модели родного языка основа глагола + суффикс для образования отглагольного существительного приводит к ошибочному образованию русского отглагольного существительного «тоскова + ни-е»	

Table 3

Errors in Russian speech associated with the deviance of the morphemic composition or the method of word formation

A fragment of the text for narration without error	<i>They settled her in the yard. For many days the dog did not eat anything, ran wild, longed for its owner.</i>
The result of the written interpretation of the fragment	<i>Nurka had a long longing for its owner.</i>
Psycholinguistic interpretation of the error. 1. The use of the stereotype-representation of the model of verbal noun formation in the native language. 2. In the Komi-Permyak language there is the verb <i>тоскуйтны</i> — to yearn, to miss, to bore, to be sad [17. P. 481] and the noun <i>тоскуйтӧм</i> derived from it — meaning melancholy, sadness [17. P. 481]. A verbal noun with the meaning of an abstract action or state is formed in the Komi-Permyak language with the help of the productive suffix <i>-ӧм</i> . The incorrect formation of the noun “longing” goes back to analogy: the formation with the help of the suffix from the derivative stem of the verb	
Linguo-methodical interpretation of the error: 1. In the Russian language the noun from the verb “to yearn” is formed according to different model (with truncation of the verbal suffix in the derived stem and zero affixation at the stage of formation of the verbal noun). 2. The transfer of the word-formation model of the native language verb stem + suffix for the formation of a verb noun leads to the erroneous formation of the Russian verbal noun “тоскова-ни-е”	

Таблица 4

Ошибки в русской речи, связанные с нарушением морфологических категорий при употреблении частей речи

Исходный фрагмент текста для изложения без ошибки	<i>Уже во время учебы он стал интересоваться металлургией. Он окончил училище с большой золотой медалью и получил премию 500 рублей.</i>
Результат передачи смысла в изложении	<i>Уже во время учебы он стал интересоваться металлургией. Он оканчивал училище с большой золотой медалью.</i>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки. 1. Использование стереотипа-представления о виде глагола в родном коми-пермяцком языке. 2. В коми-пермяцком языке категория вида является очень специфичной. Комиведы называют данную грамматическую категорию «способом глагольного действия» [19. С. 77]. 3. Семантика вида в коми-пермяцком языке выражается с помощью формообразующих суффиксов. Следует обратить внимание на то, что в составе одного слова может быть два видовых суффикса. Различают следующие виды глаголов на основе способов глагольного действия: <i>однократный</i> (обозначают недлительное действие); <i>многократный</i> (противопоставляются однократному глаголу); <i>мгновенный</i> (противопоставляются глаголам длительного действия); <i>длительный</i> (обозначают длительное, рассредоточенное действие); <i>уменьшительный</i> (обозначают действие в малой мере); <i>завершенный</i> (обозначают результат действия); <i>начинательный</i> (обозначают начало действия)</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибки: 1. Способ действия как доминирующее представление о виде глагола становится стереотипным представлением при определении вида русского глагола: осуществляется корреляция с прошедшим временем глагола как завершенным (совершенным) действием. По прошедшему времени глагола автоматически определяется совершенный вид русского глагола. Наличие/отсутствие приставок в русском глаголе как показателе совершенного/несовершенного вида не используется. Выделение суффикса в русском глаголе и соотнесение его значения с показателем совершенного/несовершенного вида не используется. 2. Для определения вида русского глагола инонационально-русскому билингву необходимо применить более объемную схему рассуждения для определения вида русского глагола:</p>	
Показатели определения вида русского глагола русскими учащимися	Неверная логика определения вида русского глагола учащимися коми-пермяками на основе стереотипа-представления о виде русского глагола
1. Вопрос	2. Вопрос
3. Категориальное значение (завершенного/незавершенного) действия	4. Значение завершенного/незавершенного действия определяется по лексическому значению в сочетании с определением категории времени глагола (если глагол стоит в прошедшем времени, значит, он совершенного вида), если в будущем — несовершенного.
	5. Вывод о том, в каком времени стоит глагол

Table 4

Errors in Russian speech associated with deviance of morphological categories when using parts of speech

<i>The fragment of the narration without an error</i>	<i>Already during his studies he became interested in metallurgy. He graduated from the school with the big gold medal and the prize of 500 rubles</i>
<i>The result of conveying the meaning in the narration</i>	<i>Already during his studies he became interested in metallurgy. He was graduating from the school with the big gold medal</i>
<i>Psycholinguistic interpretation of the error:</i> 1. The use of a stereotype-idea of the verb type in the native Komi-Permyak language. 2. In Komi-Permyak language the category of verb type is very specific. Komi scholars call this grammatical category “the mode of verbal action” [19. P. 77]. 3. The semantics of the verb type in the Komi-Permyak language is expressed with the help of form-forming suffixes. It should be noted that one word can contain two specific suffixes. The following types of verbs are distinguished on the basis of the methods of verbal action: one-time (denoting a short action); multiple (contrasted to one-time verb); instantaneous (contrasted to long-acting verbs); continuous (denotes a long-term, dispersed action); diminutive (denoting action in a small measure); perfect (denote the result of the action); introductory (denotes the beginning of the action)	
<i>Linguo-methodical interpretation of the error:</i> 1. The mode of action as the dominant idea of the verb form becomes a stereotyped representation when determining the type of the Russian verb: there is a correlation with the past tense of the verb as a completed (committed) action. The past tense of the verb automatically determines the perfect form of the Russian verb. The presence/absence of prefixes in the Russian verb as an indicator of the perfective/imperfective form is not used. The selection of the suffix in the Russian verb and the correlation of its meaning as the indicator of the perfect/imperfective form is not used. 2. To determine the type of the Russian verb, a non-national-Russian bilingual needs to apply a more voluminous scheme of reasoning to determine the type of the Russian verb:	
Indicators of determining the form of the Russian verb by Russian students	Incorrect logic of determining the form of the Russian verb by Permian Komi students on the basis of the stereotype-idea of the form of the Russian verb
1. Question	1. Question
2. Categorical meaning of (completed/incomplete) activity	2. The meaning of a complete/incomplete action is determined by the lexical meaning in combination with the definition of the verb tense category (if the verb is in the past tense, then it is perfective), if in the future – imperfective.
	3. Inference on the tense of the verb

Заключение

Ошибка в письменной и устной речи инонационально-русского билингва имеет психолингвистическую природу и должна интерпретироваться с учетом взаимовлияния родного и русского языков. Межъязыковые взаимодействия проявляются стереотипами-представлениями билингвального носителя о языковых явлениях, их моделях, структурах, значениях в родном языке и применением этих стереотипов в процессе восприятия / продуцирования высказываний / текстов на русском языке.

Интерпретация ошибок в русской речи исходит из понимания стереотипов в речевой деятельности инонационально-русского билингва и осуществляется в направлении от лингвистического факта нарушения к пониманию / реконструкции причин ее возникновения. Лингвометодическая интерпретация осуществляется на основании выявленных психолингвистических причин и их лингвистических следствий в русской устной и письменной речи и предполагает предложения специальных методических средств для совершенствования русской речи билингвального носителя.

Список литературы

1. *Залевская А.А.* Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 10–17.
2. *Залевская А.А.* Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
3. *Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С.* Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 кл.: кн. для учителя / В.И. Капинос, Н.Н. Сергеева, М.С. Соловейчик. М.: Просвещение, 1991. 342 с.
4. *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1988. 240 с.
5. *Овчинникова И.Г., Павлова А.В.* Переводческий билингвизм. По материалам ошибок письменного перевода. М.: ФЛИНТА: Наука. 2016. 304 с.
6. *Панов М.В.* Обучение учащихся школ народов финно-угорской группы русской орфографии и пунктуации // Методика обучения русскому языку в 4-10 классах школ народов финно-угорской группы. Л.: Просвещение. 1985. 351 с.
7. *Привалова И.В.* Ошибки при переводе под влиянием психологической установки // Функционирование языковых единиц в разных формах речи. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1995. С. 59–64.
8. *Цейтлин С.Н.* Речевые ошибки и их предупреждение: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.
9. *Цейтлин С.Н., Круглякова Т.А.* О природе речевых ошибок многоязычных школьников // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1. № 2. С. 103–112.
10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
11. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка: учебник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 464 с.

12. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 88 с.
13. Кузнецова Т.Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Алма-Ата, 1981. 172 с.
14. Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. 184 с.
15. Дебрени М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-deviatologiya-oshibki-porozhdeniya-i-ponimaniya> (дата обращения: 10.01.2023).
16. Цыпанов Е.А. Видза олан, коми кыв! Сыктывкар: Кола, 2015. 352 с.
17. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
18. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 816 с.
19. Коми язык: энциклопедия: А-Я / М-во образования и высш. шк. Респ. Коми, РАН, Урал. отд-ние, Коми науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории; отв. ред. канд. филол. наук Г.В. Федюнова. М.: Изд-во ДИК, 1998. 607 с.

References

1. Zalevskaya, A.A. 2009. Questions of psycholinguistic theory of bilingualism. Questions of psycholinguistic, no. 10, pp. 10–17. (In Russ.)
2. Zalevskaya, A.A. 2009. Speech error as a tool for scientific research. Questions of psycholinguistic, no. 9, pp. 6–22. (In Russ.)
3. Kapinos, V.I., Sergeeva, N.N., and Soloveichik, M.S. 1991. Speech development: theory and practice of teaching: 5–7 grades: teacher’s book. Moscow: Prosveshchenie publ. print. (In Russ.)
4. L’vov, M.R. 1988. Dictionary-reference book on the methodology of the Russian language: a textbook for students of pedagogical institutes in the specialty. Moscow: Prosveshchenie publ. print (In Russ.)
5. Ovchinnikova, I.G., and A.V. Pavlova, 2016. Translation bilingualism. Based on written translation errors. Moscow: FLINTA: Nauka publ. print (In Russ.)
6. Panov, M.V. 1985 Teaching Russian spelling and punctuation to students of schools of the peoples of the Finno-Ugric group. Leningrad: Prosveshchenie publ. print (In Russ.)
7. Privalova, I.V. 1995. Errors in translation under the influence of a psychological attitude. Funktsionirovanie yazykovykh edinit v raznykh formakh rechi, pp. 59–64. (In Russ.)
8. Tsejtin, S.N. 1982. Speech errors and their prevention: A guide for teachers. Moscow: Prosveshchenie publ. print (In Russ.)
9. Ceytlin, S.N., and T.A. Kruglyakova. 2019. The nature of speech errors of multi-language schoolchildren, pp. 103–112. (In Russ.)
10. Karaulov, Ju.N. 2010. Russian language and linguistic personality. 7-th ed. Moscow: LKI publ. print (In Russ.)
11. Kozhina, M.N., Duskaeva L.R., and Salimovskii V.A. 2010. Stylistics of the Russian language: textbook. Moscow: FLINTA: Nauka publ. print (In Russ.)
12. Leont’ev, A.A. 1970. Some problems of teaching Russian as a foreign language (psycholinguistic studies). Moscow: Moskovskii universitet publ. print. (In Russ.)
13. Kuznetsova, T.D. 1981 The role of goal in the formation of correct and erroneous speech in the conditions of bilingualism and trilingualism: dissertation ... candidate of psychological sciences. Almaty. http web. (In Russ.)

14. Gokhlerner, M.M., and G.V. Eiger. 1990. Mechanisms of controlling the linguistic correctness of a statement. Kharkov: Osnova publ. print. (In Russ.)
15. Debrenn, M. 2007. Interlingual deviatology: errors of generation and understanding. NGU Journal; linguistics and intercultural communication. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-deviatologiya-oshibki-porozhdeniya-i-ponimaniya>. Web (In Russ.)
16. Tsypanov, E.A. 2015. Vidza olan, komi kyv! Syktyvkar: Kola publ. print. (In Russ.)
17. Batalova, R.M., and A.S. Krivoshchekova-Gantman. 1985. Komi-Permyak-Russian Dictionary: about 27.000 words. Moscow: Russkii yazyk publ. print. (In Russ.)
18. Ozhegov, S. I., and N.Ju. Shvedova, eds. 1985. Dictionary of the Russian language. 17-th ed. Moscow: Stereotip publ. print. (In Russ.)
19. Fedunев, G.V. (editor). 1998. Komi language: encyclopedia: A–Z / Ministry of education and higher education. Rep. Komi, RAS, Ural. department, Komi Scientific Center. Institute of Language, Literature and History. Moscow: Publishing House of DIK, 607 p.

Сведения об авторе

Медведева Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. ORCID: 0000-0002-0152-2922; E-mail: basha_n@mail.ru

Bio note

Natalya V. Medvedeva is a Ph.D, Associate Professor Perm State Humanitarian Pedagogical University, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages. ORCID: 0000-0002-0152-2922; E-mail: basha_n@mail.ru